

- Как раз вовремя, Энни. Как всегда, - сказал доктор Пэрриш. - Неужели все вампиры так пунктуальны?"

"Нет.- Я ответила, а потом вспомнила, что сказал доктор Пэрриш во время нашей первой встречи: терапия не принесет вам никакой пользы, если вы будете настаивать на односложных ответах. Поэтому я добавила: "пожилым вампирам это трудно, может быть, потому, что они начинают чувствовать себя оторванными от мира, или, может быть, им просто трудно заботиться о времени. Они становятся раздражительными. Более молодые обычно пунктуальнее, если это что-то, что они считают важным."

-Сколько тебе лет?- Спросил доктор Пэрриш.

- Прошу прощения?- Я почувствовала, что мои глаза превратились в щелочки, как у моей матери, когда я сказала что-то грубое.

- Прошу прощения. Это все еще невежливо спрашивать, даже если вы закончили стареть?- Он смотрел в свой блокнот, но поднимал брови, пока они не исчезли в его распушенных волосах. Не знаю, почему это было так важно для меня. Я попыталась представить его в очках, как они немного увеличивают его глаза.

Он поднял на меня глаза.

Может быть, я думала, что очки добавят серьезности его смешному лицу.

Может быть, я была так занята его отсутствующими очками, потому что втайне считала его симпатичным. Я подавила смешок. Бедный Доктор Пэрриш. Ни мило, ни аппетитно. К счастью, он был интересен, иначе ему хватало бы трехсот баксов в неделю.

Я обдумала его вопрос и ответила: "Наверное, нет. Я вытащила из заднего кармана тонкий бумажник и протянула ему свои водительские права. Штат Флорида. 5' 5" карие глаза. Каштановые волосы. Но именно дата, конечно, привлекла внимание доброго доктора.

-Тебе сорок пять.- Он посмотрел на меня снизу вверх, на самом деле оглядывая меня с ног до головы, как будто это я была фотографией. Я бы покраснела, если бы могла.

- Действительное удостоверение личности, доктор Пэрриш. Сохраните его, если хотите. Я действительно больше не могу им пользоваться."

Он посмотрел на дату, потом на фотографию, потом на меня.

-На той фотографии мне было восемнадцать. Мой Потерянный уик-энд был позже в том же году, - объяснила я.

Я была симпатичнее на фотографии, я уверена, не так много людей могут сказать о своей фотографии водительских прав. Но у меня была такая жизнерадостная улыбка, а глаза щурились. В те дни я весила немного больше. Заметьте, я не указала доктору на эту деталь. Сейчас я уже не помню, была ли вся эта трансформация в вампира или кровавая диета, которая, наконец, отбросила этот последний цепкий маленький кусочек детского жира. Но в остальном я была такой же, как прежде. Никакого дополнительного очарования или очарования в процессе вампиризации. Никакой сверхчеловеческой сексуальности.

Доктор Пэрриш все еще смотрел на фотографию. Наверное, тогда он тоже думал, что я симпатичнее. Я вдруг пожалела, что сказал ему, что он может оставить его себе. Что он видит, глядя на нее таким взглядом? Понимает ли он, что видит мое лицо, но совершенно другую меня?

Он положил мое удостоверение на стол рядом с собой, а не между нами, чтобы я могла забрать его обратно.

- Потерянный уик-энд, - пробормотал он, возвращаясь к своему Блокноту.

- Так называет его мой друг Уилл."

- Уилл тоже вампир?"Это продолжало впечатлять меня, как он спокойно воспринял все это, казалось, верил, хотя я знала, что это не так. $1+1=8$. Если ваш клиент так говорит, значит, это правда.

"Да."

- Расскажи мне о нем."

О нашей долгой дружбе? О тех двух годах, когда я не видела его и не разговаривала с ним? О том, как он навещал Китса и меня в нашем идеальном маленьком домике (идеальном, если не считать кругов на кухонном полу, на которые какая-то сумасшедшая приклеила коллекцию компакт-дисков своего парня)?

- Уилл-ученый, - сказала я.

-Что за ученый?"

Уилл подумал бы, что это вопрос ограниченного характера. Он был ученым, и я была совершенно уверена, глядя на корешки его книг и из нескольких раз, когда я видела его лабораторию, что Уилл не считал науку разделенной вещью. Так как же его называть? Физик, химик, ботаник, антрополог и, пожалуй, больше всего-биолог. В некотором роде. Он называет это некробиологией."

- Биология мертвых, - сказал доктор Пэрриш.

"Да. Он изучает вампиров."

Доктор вертел в руках карандаш, не отрывая глаз от Блокнота. - "Биология" означает изучение жизни."

"Да.- Изучение жизни мертвых. Король сарказма, который никого не забавляет.

-А твой друг Уилл знает, как делаются вампиры?"

"Возможно."

-И он никогда не говорил тебе об этом?"

Я коротко рассмеялась. - Если Уилл и знает, то никому об этом не скажет. Судьи хранят свои секреты не просто так."

"Судья. Они убьют его?"

-У них есть целый ряд наказаний. Я мало что об этом знаю."

- Что ты о них знаешь, Энни?"

Я слегка кашлянула. - Они волшебные."

- Правда, - сказал доктор Пэрриш.

-Даже не знаю. Это то, что люди говорят, но люди, как известно, идиоты."

Он слегка улыбнулся своему Блокноту.

- Считается, что судьи-самые старые вампиры. Да, я уже говорила вам об этом, и о том, как они создают и применяют закон и думают о себе как о богах. Но есть и такие истории о... " это было смешно. Я собиралась передать вампирские сказки этому смертному неверующему? Еще одна галочка в списке" причины насильственного помещения Энни в психиатрическое учреждение".

Доктор Пэрриш поднял глаза и ответил на мои мысли: "во всех культурах есть мифы, Энни. Ты не должна верить им, чтобы пересказать их другим."

Я молча кивнула. -Я почти уверена, что судьи придумали все это, чтобы люди боялись их еще больше. В историях никогда не говорится о судьях как о группе, или о том, как они стали судьями, или о том, что судьи на самом деле делают, кроме того, что хлопают нас по рукам, когда мы непослушны. Они не могут существовать вообще."

Я задумалась над этим. Какое богохульство!

- А истории странные, в них всегда фигурирует судья, никаких имен, никаких различий между судьями. Напоминает мне прекрасного принца. Он просто появляется снова и снова, похотливый Маленький принц, который целуется с проклятыми девушками."

Доктор Пэрриш, опустил блокнот на колени. Это знак "ты несешь чушь". Мне не потребовалось много времени, чтобы узнать это.

- Извини, - сказала я. - Рассказывают, что судья сотворил первого вампира из собственной плоти. Звучит знакомо? Судья также спас человечество, когда была опасность того, что вампиры съедят всех. Но мой любимый...судья хранит воспоминания о нашей гонке. Он собирает воспоминания всех вампиров в свой сосуд душ и ведет запись для нас. Что-то вроде историка Санта-Клауса. Если вы очень хороши...если вы докажете, что вы достойны каким-то великим поступком или великой истиной, судья скажет вам правду."

- Какие истины?"

Я пожала плечами. - Любую правду, какую захочешь. Любые истины, которые вам нужны. А может, это оружие. Он перегружает ваш мозг информацией, пока ваша голова не взорвется."

-Ты очень саркастична, - сказал доктор Пэрриш. Я хотела было ответить "Да", но он продолжил: "Но я думаю, что ты веришь в эту историю. Или, по крайней мере, хочешь в это верить."

Я молча кивнула. "Конечно. Приятно думать, что когда-нибудь кто-то проникнет в мой мозг и заберет все мои воспоминания для улучшения вампирского вида. Это мило, но я в это не очень верю."

- Слишком много магии для тебя?"

Карандаш вернулся к бумаге. Я скрестила ноги, внезапно пожалев, что не могу сбросить туфли, и гадая, что он скажет, если я это сделаю. Скорее всего, ничего. Возможно, просто сделать небольшую заметку и продолжить допрос. Наверное, было бы несправедливо называть это допросом. Я платила ему за это. И я, вероятно, не была его самым сосредоточенным или болтливым клиентом. Я задумалась, была ли я для него самой интересной. Интересно, он действительно предложил бы мне провести какое-то время в клинике? Применялась ли еще электрошоковая терапия? Это было бы фантастически.

-Мне нравится твой голубой ковер, - сказала я.

Он посмотрел на меня, потом отвел взгляд. - Уилл не настолько доверяет тебе, чтобы рассказать, как делаются вампиры?"

Я думала об этом, думала о том, как много времени Уилл провел в своей лаборатории и как мало секретов он рассказал мне за все эти годы. - Возможно, он так и сделает, если я действительно захочу знать. Но он не собирался делиться информацией. Слишком опасно."

- Значит, он больше беспокоится о твоей безопасности."

"Да. Наверное, можно и так сказать."

-У вас с ним когда-нибудь были романтические отношения?"

"Нет."

- А у вампиров есть любовники?- Что за вопрос.

"Да."

- Ты можешь размножаться?"

-Конечно, нет."

"Ты моногамна? Или я думаю, что должен сказать, есть ли еще серийная моногамия или просто ... "

- Дикий вампирский трах?"

Он слегка кивнул, что означало: "я бы не сказал это так красочно, но да."

- Это разные вещи. Большинство из них пользуются преимуществами вампирства-нет венерических заболеваний, нет риска беременности. В вампирском сообществе есть много свободной любви, но есть и много обязательств, хотя несколько столетий-это долгий срок, чтобы смириться с одним человеком. Кроме того, трудно получить разрешение на брак, когда система говорит, что тебе сто семьдесят лет."

Доктор Пэрриш кивнул, как будто все это имело смысл. -В какую группу ты бы себя причислила?"

"Я..." Одна любовь. Один человек на всю жизнь. Что за нелепая идея! Кто мог принять такое решение? Или придерживаться его? В конце концов, это был просто секс. Просто секс, просто общение. Человеческие правила - для людей. "Я не знаю", - я сказала, то, что я знала, я добавила: "А как насчет вас, доктор? Моногамный? У тебя есть девушка?"

- Жена, - сказал он. -Твой друг Уилл, он с кем-нибудь связан?"

- Нет, - ответила я.

-У него много партнеров?"

Мне стало немного не по себе. -Он мне ничего не говорит, - сказала я, и это была чистая правда.

-Могу я задать еще несколько вопросов о вампирах?"

"Конечно."

- Он постучал карандашом по блокноту. -А они ... Ты ... ты можешь превратиться в летучую мышь или ... свинью?"

- Свинью, доктор?- Спросила я.

Он сменил позу, как будто ему было неудобно, хотя я очень старалась не насмехаться над ним. -В Моравии,-объяснил он, - ходят легенды о свиньях-оборотнях. В цыганских преданиях есть оборотни, но я решил, что это немного преувеличенно."

Я сдержала улыбку. - Хм. Да. Это было бы странно.- Я вообразила, что на меня напал свинья-оборотень. -Но я ничего не знаю об оборотнях, доктор. И я не могу превратиться в летучую мышь. Там могут оборотни. Во всем мире существует достаточно легенд о них, и я не удивлюсь, если узнаю, что некоторые из них правдивы. Но мне кажется маловероятным, что они объявили бы о себе вампирскому сообществу, если бы они существовали."

-Это ... имеет смысл."

"Какие-либо другие вопросы?"

-Ты можешь быть ранена экзорцизмом, обезглавливанием или колом в сердце?"

Он спрашивал, можно ли убить нас таким способом, но в последний раз, когда он сказал мне слово "убили", я испугалась и вышла из его кабинета. Один и тот же вопрос, разные слова. Был

ли это реальный, хотя и скептический интерес, или это была терапия, пытающаяся добраться до корня моих разнообразных и глубоко похороненных проблем?

-Это не экзорцизм, - сказал я. - Если только речь не идет об обезглавливании. Кол в сердце ... зависит от того, из чего сделан кол."

- Неужели? Хм. На вас действует солнечный свет, серебро, распятия, святая вода, чеснок?"

- У нас легкая аллергия на солнечный свет, но не настолько, чтобы спать в гробах. Ну, во всяком случае, большинство из нас. Нет серебра, распятий, чесноку, святой воде, хотя некоторые вампиры вообще питают отвращение к воде. Но только не я. На самом деле, это сталь, которая действительно достает нас. Никто не знает почему."

Мои ответы были в основном правдивы. Однако я не объяснила ему ни одной из причин, стоявших за всем этим. Я не сказала ему, что можно убить вампира, заперев его в комнате достаточно надолго. Я не сказала ему, что причина, по которой обезглавливание и сталь через грудь (или живот или голову) работали, состояла в том, что потеря головы и сильная реакция на сталь через тело сделали бы вампира неспособным питаться. Не давая ему питаться-вот как ты убиваешь вампира.

Доктор Пэрриш сжал карандаш в ладони, затем той же рукой сжал верхнюю часть Блокнота, сминая карандаш и блокнот вместе. Я узнала этот жест. Это означало, что он не собирался ничего записывать прямо сейчас. Это означало, что у него был вопрос, в котором он не был уверен.

Я наклонилась вперед. Это всегда были самые лучшие вопросы.

-На что похож вампирский секс?"

Я рассмеялась. Я даже не пыталась сдерживаться. Мне нравились эти моменты, когда доктор Пэрриш переходил в режим реального человека, а не психолога. Каким бы замкнутым он ни казался, держу пари, что доктор Пэрриш мог веселиться и после работы. Он, наверное, мог бы сыграть партию в Скрэббл.

- Как любовь плюшевого мишки, доктор. А ты как думаешь?"

-Значит, это более жестоко?- Он выглядел таким серьезным. Интересно, убедило ли его мое удостоверение? Ничто так не способно изменить мнение американца, как маленькая пластиковая карточка.

"Может быть. Там часто бывает много укусов. Но он может быть и нежной. Мягкой.- Я посмотрела на свои руки. Я держала ногти короткими. В моей прошлой жизни они были такими же, потому что в те дни я проводила много времени, печатая на машинке, и длинные

ногти замедляли мою скорость. Не знаю, почему я никогда не отращивала их долго. Теперь у меня даже не было компьютера, наверное, я не могла разобраться в системе.

Это внезапно обрело для меня такой смысл, какого никогда не было раньше, как то, что старые вампиры полностью удалились от человеческого общества, окружив себя реликвиями мира, который они помнили лучше всего. Дело не в том, что мы не могли научиться. Уилл так и сделал. Просто большинство из нас были слишком поглощены жаждой, чтобы беспокоиться, о том как вы долго не общались, было трудно вернуться.

Но мои руки, мои ногти были наполовину здесь, наполовину в прошлом, в видении медленных прикосновений, мягких царапин на спине, лице и руках.

Я молча выдохнула весь воздух и добавила: - среди вампиров тоже много фетишизма. Я думаю, когда все близкие знают, что вы питаетесь человеческой кровью, кажется бесполезным скрывать что-то столь же невинное, как желание трахаться в группе с кнутами и масками Никсона."

Доктор Пэрриш фыркнул, но тут же взял себя в руки. - Значит, здесь разнообразие, как и во всем остальном мире."

"Конечно.- Я думала, он собирается спросить меня, как мне нравится трахаться, но он снова переключился в режим отстраненного психолога и начал расспрашивать о моем детстве, невероятно скучной теме, Без сомнения, в поисках корня моих неврозов.

Я рассказала ему все, что в основном состояло из того факта, что мои родители были нормальными христианами, которые предпочли бы, чтобы я не слушала Дженис Джоплин, которая играла, когда они были рядом, потому что я не хотела, чтобы они знали, что я действительно слушаю Metallica.

Я подумала, что он попросит меня достать с полки цветные карандаши и нарисовать мой семейный портрет—что я бы с радостью сделала, изобразив мою мать в виде парящего Ангела, окруженного зелеными лозами, а отца—в виде игуаны, которую съедает акула, просто чтобы посмотреть на его реакцию, - но он не стал этого делать, просто слушал, как я болтаю, пока не истек наш час.

Потом я ушла, чувствуя себя, как всегда, немного легче, немного понятнее.

Я оглянулась у двери его кабинета.

Он взял мое удостоверение и держал его обеими руками, глядя на него поверх своего массивного носа. Его большой палец очистил пластик над моей фотографией. Блокнот и карандаш, забытые, лежали у него на коленях.

<http://tl.rulate.ru/book/42190/961858>